

Znanstvena natančnost in mednarodna odprtost: sklepne sestavine monografije

Sklepni del monografije z jasno strukturo in premišljenimi dodatki utrjuje vtis znanstvene dovršenosti, preglednosti ter mednarodne dostopnosti.

Obsežna in skrbno urejena bibliografija (str. 250–274) izpričuje avtoričino raziskovalno temeljitost, metodološko natančnost in široko razgledanost. Ni zgolj popis virov, temveč kartografija intelektualnega ozadja monografije, ki omogoča poglobljeno sledenje temam, konceptom in avtorjem, na katerih slovi študija.

Daljši angleški povzetek (*National, Multicultural and Intercultural Concepts, Short Prose and Poetry*, str. 275–282) tujejezičnim bralcem ponuja jasno in koherentno sintezo ključnih ugotovitev ter omogoča hitro razumevanje tematskih poudarkov in interpretativnih dosežkov celotnega dela. Besedilo je tematsko premišljeno strukturirano in slogovno dodelano, kar bistveno prispeva k mednarodni prepoznavnosti monografije.

Imensko kazalo (str. 283–292), tesno povezano z vsebinskim tkivom dela, omogoča učinkovito orientacijo in hitro iskanje posameznih avtorjev ter s tem pomembno prispeva k uporabnosti in preglednosti.

V delo sta vključeni tudi dve poglobljeni recenziji rednih profesorov s področja slovenske književnosti, prof. dr. Irene Avsenik Nabergoj in prof. dr. Mateje Pezdirc Bartol (str. 293–312), ki s premišljenimi strokovnimi uvidi prispevata k dodatni osvetlitvi vsebine in vrednotenju znanstvene študije.

Na straneh 303–306 sledita še krajši slovenski in angleški povzetek, opremljena s ključnimi besedami. Ta segment zaokroža monografijo z jasno identifikacijo njenega pomena, dosega in temeljnih ugotovitev, pomembnih tako za domačo kot mednarodno raziskovalno skupnost.

Sklepne sestavine monografije tako ne le zaokrožijo celoto, temveč jo tudi obogatijo – kot dragoceno, znanstveno tehtno, estetsko dodelano in mednarodno relevantno delo. Gre za študijo, ki s svojo metodološko natančnostjo, interpretativno globino in občutljivostjo za kulturno-kontekstualne odtenke pomembno prispeva k sodobnemu razumevanju slovenske moderne in ostaja navdihujoče izhodišče za prihodnje raziskave.

Irena Avsenik Nabergoj,

Znanstvenoraziskovalni center SAZU,
Inštitut za kulturno zgodovino,
irena.avsensik-nabergoj@guest.arnes.si

**СЕМИОТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ
С ДОСТОЕВСКИМ**

К. КРОО, А. ФАУСТОВ, С. САВИНКОВ, 2022: *Перевоспощения смысла в творчестве Достоевского: семиотические заметки*. Воронеж: Издательский дом ВГУ. 394 с.

В конфликтные времена писать о Достоевском бывает трудно. Его творчеством и мировоззрением легко манипулировать и в такие времена

может потеряться как интерес читателей, так и аналитическая глубина исследователей. Поэтому очень приятно писать о попытке глубинного подхода к творчеству Достоевского в коллективной монографии известных знатоков Достоевского Каталин Кроо, Андрея Фаустова и Сергея Савинкова «Перевоплощения смысла в творчестве Достоевского: семиотические заметки» (Кроо, Фаустов, Савинков 2022).

Нам кажется, что методологическая установка монографии опирается не столько на новые подходы в достоевковедении или семиотике, сколько на их возможный инновативный синтез. Формирование этого подхода можно наблюдать в некоторых работах по семиотике литературы К. Кроо, в которых она сопоставляет две модели интересемиотического чтения в культуре – семиотику Пирса и теории русских формалистов и Якобсона: «Внешняя и внутренняя литературная семиотика в этих направлениях может быть расширена и углублена, если эти две модели интересемиотического культурного чтения будут приняты как два взаимодополняющих подхода к литературной семиотике, в которых структуралистская и пирсовская семиотические ориентации образуют гармоничное целое. Внешние и внутренние культурные литературные семиотические модели должны отражать друг друга в дальнейших теоретических и методологических дискуссиях и в более обширных эмпирических исследованиях» (Кроо 2018: 259).

Настоящую коллективную монографию и можно считать прод-

олжением этого направления в форме поисков продуктивного диалога между теоретическими поисками и эмпирической анализируемостью как отдельных текстов, так и всего творчества Достоевского. Монография состоит из трех глав, охватывающих идеи неопределенности, двойничества, целого и времени. Соответственно главы называются «Вокруг идей неопределенности и двойничества», «Вокруг идеи целого: часть – середина, единство – асимметрия» и «Вокруг идеи времени». Важной особенностью новизны монографии является максимальная приближенность так сказать объектного и метауровня анализа. То есть идеи неопределенности, двойничества, целого и времени являются как идеями Достоевского, так и идеями исследователей его творчества.

Подзаголовок «семиотические заметки» указывает еще на одну особенность монографии. Это действительно поиск диалога, а не применение конкретной семиотической теории к материалу. Это и не нахождение удобных для семиотического анализа аспектов творчества Достоевского. Скорее это прощупывание материала с точки зрения семиотики и нахождение в нем тех аспектов художественного мышления Достоевского, семиотический анализ которых обещает дать новое знание о поэтике Достоевского.

В монографии видно стремление авторов понимать как внутреннюю динамику создания отдельных произведений, так и общую динамику всего творчества писателя. Заглавие монографии «Перевоплощения

смысла в творчестве Достоевского», охватывая обе динамики, ассоциируется для рецензента с давней интуицией Бориса Томашевского и делает ее на новом уровне анализируемой: «Достоевский пишет роман за романом в поисках какого-то единого романа. В каждом новом романе мы встречаем части старого, а главное — стремление досказать то, что не удалось воплотить в предшествующем. Новый замысел есть почти всегда дальнейшая эволюция прежнего замысла» (Томашевский 1928: 91). Привлечение переписки и рукописных материалов делает анализ «перевоплощения смысла» хорошо аргументированным и раскрывает глубокие уровни творческого процесса.

Три главы монографии обрамлены концептуальным предисловием и заключением. В предисловии высказана одна из «магистральных задач» монографии – предложить понимание «внутренней логики» «энигматических, вызывающих к разгадыванию двоений» (Кроо, Фаустов, Савинков 2022: 5) (далее цитируется с указанием страниц). Понятие разгадывания восходит к письму Достоевского к брату Михаилу (16. 8. 1839): «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком». В предисловии разгадывание становится универсальным концептуальным понятием, относящимся к каждому человеку («Человеку приходится разгадывать свою тайну, и если он прекратит этим заниматься, то

перестанет быть человеком. Его существование – это непрерывный герменевтический процесс», с. 5), но в то же время особое значение присваивается разгадыванию у Достоевского, что дает возможность утверждать: «Достоевский был (помимо всего прочего) великим семиотиком» (с. 5). Особенностью Достоевского называется факт, что «большинство его героев обречено на то (или, может быть, призвано к тому), чтобы постоянно – без большой надежды на успех – разгадывать друг друга и смысл того, что с ними происходит» (с. 5). Таким образом, можно сказать, что в данной монографии исследователи разгадывают, как Достоевский разгадывает свой художественный мир и отношения героев в этом мире.

Теоретическая установка авторов выражена очень ясно: «Под широким семиотическим зонтиком в монографии объединены разноаспектные и разноуровневые исследования перевоплощения смысла в творчестве Достоевского» (с. 6). Эмпирический анализ исходит из тех особенностей художественного мышления Достоевского, которые важны для понимания системности и связности художественного мира писателя: «Тематически монография построена вокруг обсуждения нескольких базовых для поэтики Достоевского категорий (от двойничества до времени), которые на глубинном уровне тесно связаны друг с другом» (с. 6). Среди главных «художественных стратегий» в предисловии названы дисперсия (смещение, переворачивание, рассеивание смыслов и событийных цепочек), трансформационная

динамика (развертывание текста) и искание семантической середины, центра, опоры, зон устойчивости. Предисловие завершается утверждением, что «лишь учитывая пересечения и суммирование всех этих стратегий и механизмов порождения текста, мы и получаем шанс уловить контуры того семиотического целого, которое можно назвать поэтикой Достоевского» (с. 7).

Данный подход звучит очень современно и напоминает особенности анализа культуры в ситуации новой медиа и дигитализации. Когда любой текст Достоевского можно одновременно читать, смотреть и слушать в интернете как в полных версиях, так и во фрагментах, тогда можно сказать, что мы имеем дело с дивергенцией (дисперсией) в культуре участия. Но в то же время сумма разных вариантов одного текста, воспринятых одним человеком, образует некоторое ментальное целое, усредненное представление о начальном тексте – и мы можем говорить о процессе конвергенции. Такого рода анализ культуры приводит к пониманию взаимодополняемости дивергенции и конвергенции, дисперсии и ментальной целостности. Такого рода макропроцессы сопоставимы с микропроцессами образования конкретных текстов, когда разные источники образуют интертекстовый фон творческого процесса и играют важную роль в понимании целостности текста. Большим достоинством рассматриваемой монографии является подчеркнутая связь между глубинными анализами и пониманием целостности художественного текста.

В заключении монографии идеи неопределенности, двойничества, целого и времени описываются как «четыре взаимосвязанные глобальные семиотические проблемы» (с. 384), позволяющие по-новому анализировать «вопрос о порождении и превращении смыслов в творчестве Достоевского» (с. 384). В заключении в контексте подведения итогов связно переформулированы и магистральные семиотические проблемы интерпретации «1) порождения художественного смысла, логики и форм семиотизации, исследованных в перспективе уяснения 2) семантической идентичности с учетом 3) текстовой динамики (vs. статики) и 4) креативной открытости (vs. закрытости)» (с. 384–385).

В этом понятийном комплексе отражается один универсальный принцип семиотики культуры – любой акт коммуникации содержит и может одновременно толковаться как акт автокоммуникации. Если в обычной коммуникативной ситуации аспект автокоммуникации скрыт, то в культуре есть примеры и эксплицитного выражения автокоммуникации. В одной из своих последних работ Юрий Лотман писал об импровизации (Лотман 2002/1992: 174–188). В заключении монографии развивается интересный диалог с этой работой Лотмана в контексте перевоплощения. Импровизация как процесс чередования или даже одновременности коммуникации и автокоммуникации содержит и элемент непредсказуемости. Сопоставление лотмановской концепции импровизации с творчеством Достоевского выявляет два

взаимосвязанных аспекта. Во-первых, авторская автокоммуникация: «...основательно изучается текстовая авторефлексивность поэтики Достоевского как продукт авторской самоинтерпретации» (с. 390). Во-вторых, внутритекстовые автокоммуникативные процессы, особенно на примере двойничества как процесса колебания «и между тождественностью самому себе и дифференцированностью внутри себя, которая совершается вдобавок в противоположных направлениях (тот же, но другой и / или другой, но тот же)» (с. 389). В свою очередь, комплексное понимание двойничества дает возможность объяснения динамики общих процессов в аспектах «толкования части – как единицы, индивидуальности, личности, и целого – как множества, коллективности, общества, стадности, всемирности, общечеловека и т.д.» (с. 389).

Авторы монографии подчеркивают, что семиотический анализ для них не выделение парных оппозиций в структуралистском духе. Поэтому важное место занимает в монографии понятие асимметрии. В заключении утверждается, что для авторов «в центре стояла не проблема бинарных противоречий, а феномен асимметричности в различных своих вариантах, выводимых из семантизации таких элементов (мотивов и текстопорождающих механизмов), как свое и чужое, одно и множество, часть и целое, рекуррентный и трансформационный повтор, дисперсивность и линейность (последний механизм понимается и в телеологическом смысле), статика и динамика» (с. 392–393).

Опыт глубинных анализов разных текстов Достоевского в данной монографии распространяется и на более высокие уровни и «захватывает и построение литературных персонажей и характеров, и структуру повествования и времени, и лексико-семантическую динамику, и логику действия текстопорождающих механизмов, получающих авторефлексивное осмысление, помимо прочего, и в интертекстуальном плане. Захватывает, по большому счету, всю поэтику Достоевского» (с. 394).

Концептуальная продуманность монографии «Перевоплощения смысла в творчестве Достоевского: семиотические заметки», комплексность анализа отдельных особенностей разных текстов и всего творческого метода Достоевского делает эту книгу интересной и полезной разным читательским группам. Во-первых, монография Каталин Кроо, Андрея Фаустова и Сергея Савинкова полезна всем исследователям литературы, которые ценят внедрение новых методов в изучение литературы, включая опыт семиотики литературы. Во-вторых, монография должна заинтересовать достоевсковедов, готовых мыслить о творчестве Достоевского как целом расширяя рамки традиционного достоевсковедения. В-третьих, монография может вдохновить специалистов по отдельным произведениям и вопросам поэтики Достоевского. В вопросах внутренней динамики текстов и внешней динамики всего творчества писателя в рамках концепции перевоплощения смысла предлагается свежий взгляд на творчество Достоевского.

А концептуализация, например, двойничества в художественном мире Достоевского расширяет это понятие теоретически и демонстрирует такое богатство эмпирического анализа, позволяющее глубоко переосмыслить природу двойничества. Особое внимание должны заслужить глубокие и нетрадиционные анализы многих текстов писателя, включая прежде всего повести «Двойник» и «Записки из подполья», романы «Идиот» и «Братья Карамазовы». И, в-четвертых, монография должна заинтересовать семиотиков литературы, показывая возможности общесемиотического анализа, в котором комплементарно сосуществуют разные школы и направления от Пирса до Лотмана.

Таким образом, монография имеет хороший читательский потенциал. И хотя она читается как научный текст, общаясь с читателем и на терминологическом языке, все же все теоретические аспекты этого текста поддерживаются конкретными эмпирическими анализами и читателю не так трудно двигаться в процессе чтения от теории к примерам и от примеров к теоретическим интерпретациям. Автор этого текста уверен в высоком научном уровне монографии и в том, что ее новизна должна привлечь очень разных читателей из всех перечисленных выше возможных групп.

ЛИТЕРАТУРА

К. КРОО, А. ФАУСТОВ, С. САВИНКОВ, 2022: *Перевоплощения смысла в творчестве Достоевского: семиотические заметки*. Воронеж: Издательский дом ВГУ.

[K. KROÓ, A. FAUSTOV, S. SAVINKOV, 2022: *Metamorphoses of Sense in Dostoevsky's Works. Semiotic notes*. Voronež: Izdatelskij dom VGU.]

К. КРОО, 2018: From the formalist to the semiotic theory of literature. *Communications* 2, 103, 247–264.

Ю. М. ЛОТМАН, 2002/1992: Искусство на пересечении открытых и закрытых структур. *История и типология русской культуры*. СПб.: Искусство-СПБ. 174–188.

[J. M. LOTMAN, 2002/1992: Art at the intersection of open and closed structures. *History and typology of Russian culture*. SPb.: Iskusstvo SPB. 174–188.]

Б. ТОМАШЕВСКИЙ, 1928: *Писатель и книга. Очерки текстологии*. Ленинград: Прибой.

[B. TOMAŠEVSKIJ, 1928: *The writer and the book. Essays on textology*. Leningrad: Priboj.]

Peeter Torop,

*Tartuski uniwersitet
[Peeter Torop, Univerza v Tartuju]
peeter.torop@ut.ee*

NOVA KNJIGA PISATELJICE JANJE VIDMAR

Janja Vidmar, slovenska pisateljica, scenaristka in dramatičarka, je pri ljubljanski založbi UMco v Zbirki knjige o knjigah objavila svoje novo delo s pomenljivim naslovom *Velika pustolovščina* in podnaslovom *Razgibano življenje ustvarjanja zgodb* (2024). Avtorica je doslej napisala približno osemdeset literarnih del različnih zvrsti, veliko od njih je prevedenih v tuje